

...

Не знаю, кто это сказал, но фраза «Любовь как влюблённость корыстна, а истинная любовь идёт от сердца» — это ведь очень метко сказано.

Наверное, в моих чувствах много именно «любви как влюблённости». Шестьдесят процентов — с запасом. Думаю, до семидесяти не дотягивает, но где-то около шестидесяти восьми, наверное. Когда Сиори-сан рядом, моё искреннее желание оберегать её и мои корыстные помыслы, жаждущие прикоснуться к ней, вступают в противоборство, и от этого в душе совсем не спокойно.

И именно поэтому я не могу смириться. Почему Сиори-сан остаётся совершенно невозмутимой, когда я вот так вся извожусь от волнения?!

— Тогда возьми за рукава обеими руками и натяни их как следует.

—Эм, вот так?

—Да-да.

Сейчас она помогает мне надеть юкату, и, хоть между нами и ткань, от того, что Сиори-сан постоянно ко мне прикасается, моё сердце всё время бешено колотится. То она обнимет сзади, то пальцы коснутся шеи — для меня это несколько возбуждающе. Я серьёзно начинаю беспокоиться, не слышит ли Сиори-сан стук моего сердца.

И вообще, Сиори-сан, ну хоть немного же смутись! Если ты будешь вести себя так спокойно и невозмутимо, у меня же поубавится уверенности в себе, ну!

— Всё, готово.

Лёгкий хлопок по плечу вернул меня в чувство.

— Смотри, смотри, какая милая!

Меня взяли за руку и подвели к зеркалу, где я увидела себя, впервые в жизни аккуратно облачённую в юкату. Не мне бы говорить, но и правда мило. Белая основа с голубым узором из гвоздик смотрится свежо и элегантно. И в то же время в ней есть старомодная милота, и, когда думаю, что надену её на первое свидание, сердце замирает от радости.

— Нигде не жмёт? Не тесно?

—Нет, совсем. Спасибо, Сиори-сан. Здорово!

—Хи-хи, всегда пожалуйста.

Говорят, она неловкая, но, как ни странно, с облачением в кимона у неё хорошо получается. Сиори-сан сказала, что много раз тренировалась. Кстати, если она сама укладывала волосы в полупричёску, и с обращением с ножом у неё тоже хорошо получается, то, видимо, и это тоже результат многократных тренировок.

Кстати, сегодня мы обе делаем укладку друг другу. Мы планируем заколоть волосы и надеть парные заколки.

— Тогда я тоже быстро переоденусь.

С довольным лицом человека, завершившего работу, Сиори-сан на этот раз достала из бумажного пакета свою юкату.

На ней на белом фоне изображены сине-фиолетовые колокольчики, и расцветка немного похожа на мою. Однако, благодаря градиенту от зеленовато-голубого к сине-фиолетовому и, возможно, тому, что нарисованные колокольчики немного мелковаты, она выглядит не столько милой, сколько взрослой.

Я видела её фотографию прошлого года, но уверена, что нынешней Сиори-сан она пойдёт куда больше. Хочу поскорее увидеть.

— ...Эм, Сара.

—А?

Я с нетерпением ждала, когда она переоденется, как вдруг Сиори-сан, расстёгнувшая пуговицы блузки до середины, смущённо позвала меня.

— Эм, если так пристально смотреть, то будет немного сложно переодеваться... ..ладно?

—.....Ах, и-извини!

Я в панике отвернулась и тут же рванула в соседнюю спальню.

Ой! Ой! Я просто идиотка!

Пусть у меня и не было нечистых помыслов, но уставить на переодевание — это же!

Мне так стыдно, что хочется кувыркаться по кровати, но юката может помяться, так что и этого нельзя сделать. Остаётся только беспомощно потоптаться на месте.

Но та Сиори-сан, мне кажется, была немного, нет, значительно, вне правил. Она прикрыла расстёгнутую наполовину блузку, стыдливо прикрывая обнажающуюся кожу, и это возбудило мои корыстные помыслы. Я же отвернулась! Я же ничего не видела!

— Ууу, но, можно считать, что она вроде как прониклась ко мне?

Ведь мы же обе девушки, так что ничего странного, если бы она переодевалась прямо передо мной.

Если так подумать, когда я переодевалась в нижнее бельё для юкаты, Сиори-сан тоже вежливо отвернулась, и только что она так смущалась... — значит, она воспринимает меня как объект такого внимания, да, наверное.

— Хе-хе, ура-а.

Эту любовь я буду лелеять медленно и бережно. Но если в процессе взращивания она желает того же, что и я, это очень радует.

Чувство лёгкого волнения, что было до этого, немного улеглось, и, пока я жду, решаю заняться своими волосами и перехожу к зеркалу в спальне.

Конечно, замысловатую причёску самой мне не сделать, так что я заранее поискала простую. Скрутить, скрутить, завернуть, затем заправить прядь и заколоть шпилькой — готово! Интересно, я стала выглядеть немного взрослее? Сиори-сан, я надеюсь, ты влюбишься в меня заново?

Пока я подправляла торчащие прядки, из той комнаты донёсся голос: «Я гото~ова».

Я тут же откликнулась: «Та~ак», и, трепеща от нетерпения показать ей свою аккуратную причёску, выскочила из комнаты — и онемела.

— Ах, ты уложила волосы? Красиво.

—С-спасибо, э-хе-хе!

Да красива-то тут ты! — прокричала я мысленно.

Верно, с чего бы это Сиори-сан не должна идти юката!? Точнее, она превзошла все мои ожидания. Эффект от юкаты удвоил её и без того запредельную сексуальность, и теперь её просто распирает.

Если она ещё и поднимет волосы, то, кажется, её сексуальность хлынет водопадом с затылка. Да перестань ты, это же не прорыв плотины. Из-за такой Сиори-сан я перестану беспокоиться о фейерверках.

Решено: причёска Сиори-сан будет с заплетёнными распущенными волосами. Затылок скроем! Никому его не покажем!

— Что-то ты настроена решительно?

— Угу, очень. Всё в порядке, я сделаю тебя самой милой на свете!

— Эй, самая милая на свете — это Сара. Но, буду благодарна.

Я усадила хихикающую Сиори-сан на стул и сняла заколку. Полураспущенные волосы мягко упали, и, пожалуй, такие они тоже... нет, уж сейчас я просто завожусь от корыстных помыслов, глядя на Сиори-сан, и это точно ничего хорошего.

Когда мы ездили в торговый центр, и она разрешила мне потрогать её волосы, я вообще ничего не почувствовала. Неужели мне действительно было всё равно? Почему? Сейчас же, стоит лишь увидеть её беззащитную спину, как мне уже хочется обнять её.

Пока я расчёсывала её пушистые волосы, я не удержалась и поцеловала её макушку. Раздался тихий вздох, и её уши и затылок мгновенно залились румянцем.

— Ах~, ну и что это вообще, Сиори-сан!

— Это моя реплика!

— Бу-бу-у, это моя реплика~. Так, сиди смирно.

— Не согласна...

Выходит, она смущается не только от поцелуев в губы, но и в макушку? Мило. Может, не ходить на фестиваль фейерверков, а вместо этого вдоволь насладиться видом Сиори-сан в юкате прямо здесь?

Кое-как подавив порочные мысли о том, что будет, если я в следующий раз поцелую её за

ушком или в затылок, я собрала её мягкие чёрные волосы и закрепила парный цветочный аксессуар, вышла причёска в стиле Рапунцель, но, думаю, она вполне подходит к юкате, так что сойдёт.

Однако, хоть затылок и был скрыт, исходящая от неё аудитория сексуальности никуда не делась, и тут уж ничего не поделаешь.

— Спасибо. Мне идёт?

— Угу, очень. Самая милая на свете!

До того милая, что я беспокоюсь, — как же мне передать тебе эти чувства, просто не знаю.

Я так сильно люблю, что хочу завладеть всем ею одной: её сердцем, телом, временем. «Не хочу никому показывать её в таком милом виде» — это, я сама понимаю, чересчур. Ещё с тех пор, как была влюблена, я думала, что это слишком, но после того, как мы начали встречаться, это лишь усугубилось, и, кажется, однажды я уже не смогу сдерживаться.

— Сара тоже самая милая во вселенной. Настолько милая, что у меня сердце забилось чаще.

— Правда? Забилось чаще? Влюбилась в меня снова?

— Да, я уже влюбилась снова.

— Ура-а!

Я крепко обняла невинно восхваляющую меня Сиори-сан, и мне стало так радостно, оттого что она в ответ тоже крепко обняла меня.

Сиори-сан здорово умеет прямо говорить, что у неё начинает чаще биться сердце или что она влюбилась снова. Я боялась, что мои корыстные помыслы и тяжёлые чувства вот-вот раскроются, и не могла этого сказать, но теперь я успокоилась, поняв, что можно передавать свои чувства любви.

— Я тебя люблю, Сиори-сан. Знаешь, я хочу, чтобы ты меня тоже полюбила сильнее, хочу, чтобы у тебя сильнее билось сердце.

— Хи-хи, она у меня уже и так достаточно бьётся. Каждый раз, когда мы целуемся, моё сердце будто выпрыгивает, и тогда... ..э-эм, а-а...

— Тогда?

Я переспросила у бормочущей что-то Сиори-сан, и та, похоже, стала мычать, придумывая оправдание, но, видимо, смирившись, тихо призналась: «Когда я помогала тебе переодеться в юкату, у меня на самом деле дико билось сердце».

— Это что ещё, очень даже мило.

—Вовсе не мило.

Моя старшая возлюбленная, что выглядит как богиня, но при этом чиста и мила, словно ангел.

Милая, дорогая, и сколько же ты собираешься заставлять меня себя любить?

Слушай, значит, ты делала вид, что всё в порядке, но на самом деле чувствовала то же самое? Не думай, что только я одна испытываю эти корыстные помыслы.

— У меня тоже, знаешь ли, всё заходило. И когда ты переодевалась, и когда увидела тебя в юкате. Так что...

Я слегка сдвинула ворот кимона и коснулась губами белой кожи в районе ключицы, затем прильнула к ней. Притянув к себе дёрнувшееся тело, я в конце слегка укусила, и над головой послышался страстный возглас: «Ммм...». Ах, ну что это за человек. Не надо так меня возбуждать, я ведь и так сильно сдерживаюсь.

— Это моя печать владения.

Я с удовлетворением провела пальцем по оставшемуся аленькому пятнышку, и Сиори-сан, покрасневшая, будто вот-вот пойдёт пар, прижала ладони к щекам и кивнула.

— А-ха-ха, с таким лицом мы не сможем выйти на улицу.

—И чья это вина? ... Предупреждаю, у Сары лицо не лучше.

—Чья это вина? Думаю, вина Сиори-сан, что ты такая милая.

—Ну вот, опять ты за своё. Так мы никогда никуда не выйдем.

«Да и не надо бы выходить», — подумала я. Когда я попыталась добить её поцелуем в губы, меня наконец отругали.

Мы выскочили наружу в большой спешке, сильно позже запланированного, и это тоже стало драгоценным воспоминанием о нашем первом свидании.

Спасибо за прочтение.

<http://bllate.org/book/16065/1436383>